

ШАВА 1

Это она никому ничем не обязана именно в этом месте и в это время, а не горластая дура, сидящая сейчас перед ней на корточках и сметающая в совок какой-то непонятный мусор. Она не обязана слушать этот ор, оскорбительные обвинения в свой адрес и оправдываться не должна тоже.

— Я не обязана убирать все это раз за разом! Что уставилась, овца?!

Соседка по лестничной клетке вытаращила на нее глазищи странного какого-то грязного оттенка. Валерия столько раз пыталась определить цвет радужки ее глаз и не могла. То они серые, то мутно-зеленые, как теперь. А то и вовсе цвета грязной лужи.

— Твой кот вечно гадит под моей дверью! Я не обязана убирать все это дерьмо! Сколько это будет продолжаться, я тебя спрашиваю?!

— У меня нет кота, — ответила она тихо, осторожно обошла сторонкой сердитую молодую женщину с грязно-зелеными глазами, вставила ключ в единственную в двери замочную скважину и уточнила: — И никогда не было.

— Как это не было?! Ты чего врешь?! Я сама видела, как ты кормила какого-то заморыша молоком из чашки.

Женщина уже стояла за ее спиной и орала ей прямо в ухо. В какой-то момент ей почудилось, что ее слюни брызжут ей прямо на шею. Она поморщилась. Ну, и резко обернулась. И совсем легонько ткнула своим лбом ей в лоб. Честно — легонько. Даже не в полсилы. А та отлетела на метр. И заорала еще громче что-то про «убивают», про матерую убийцу в доме, про алкоголь в ее крови что-то еще добавила.

И все, она не выдержала. В один шаг — широкий и легкий — подошла к ней, прижала орущую женщину к стене, приставив согнутую в локте руку к ее горлу. Совсем легонько — честно — надавила. А она как захрипит.

— Еще раз повысишь на меня голос... — прошипела она ей в переносицу, потому что была значительно выше.

— И что будет, сука? — не хотела сдаваться скандалистка. — Убьешь меня?

Сипела, задыхалась, а не сдавалась. Неожиданно где-то очень глубоко-глубоко, на самом днище ее скверной, как она считала, души шевельнулось что-то похожее на уважение.

— Накажу, — ответила она с мимолетной ухмылкой и отступила.

Минуту они стояли, глядя друг на друга исподлобья. Потом та, что орала — кажется, ее звали Настя, — обреченно махнула рукой и произнесла:

• *Тайна за семью печатями* •

— Вот что мне делать с этой бродячей тварью, а? Он мне всю душу вымотал! Гадит и гадит прямо сюда! — Она ткнула щепотью правой руки в область сердца. — Ты умная такая, скажи!

— Ты про кота? — Она скрестила руки на груди.

— Нет. Про мужа, — совершенно серьезно ответила соседка по лестничной клетке. — Он бродячая тварь. А кот — это так, уже как следствие. Кота я могу и отравить. А вот мужа...

Сказать в ответ было нечего. И незачем. Время бесплатных советов давно закончилось.

— Чего вытаращилась? — снова вскинула подбородок Настя. — Считаешь меня чудовищем?

И снова Валерия не ответила. Чудовищем она считала себя. Страшным, ненавидящим все человеческое, недостойным прощения чудовищем.

— А я точно его когда-нибудь отравлю, поганца этого! — Она повернулась к ней спиной, взялась за дверную ручку, но вдруг обернулась и уточнила: — Это я сейчас про кота, если что...

Дверь за Валерией закрылась раньше, чем щелкнул Настин замок. Она задвинула щеколду, на которую всегда запиралась изнутри. Сунула руку в пакет, достала бутылку вина с металлической навинчивающейся пробкой. И начала пить из горлышка прямо в прихожей.

ШАВА 2

Настя курила на балконе, не стесняясь того, что вышла в одном нижнем белье. Белье было дорогим, ажурным. Фигура зачетной. Чего ей стесняться? То, что это бесило тетю из соседнего подъезда, чей балкон выше этажом и в метре слева, ее совершенно не волновало. Муж этой тети рассматривал Настю при каждом удобном случае. Если, к примеру, был не на работе. Если в спину ему не дышала жена. Если их дети не носились по квартире, как стадо молодых слонов. При детях, если что, Настя наготы своей не демонстрировала. Понятия тоже имела.

Сегодня никого на соседнем балконе не было. Будний день. Тетя с мужем, видимо, на работе. Дети в оздоровительных лагерях. Настя лично видела, как их увозили родители, усаживая с чемоданами в такси. И она дома одна. Могла совершенно голой курить, ее дело. Но она была в белье. Дорогом и красивом. Она ждала гостя. Того самого, на которого имела виды.

Она загасила окурочек в пепельнице, глубоко вдохнула, выдохнула и пошла в ванную чистить зубы. Ее гость сам не курил, не понимал этой пагубной привычки. И курящие женщины его, мягко говоря, обескураживали.

— Зачем? — растерянно моргал он каждый раз, как она выходила из машины покурить. — В чем удовольствие?

Про удовольствие он, кажется, знал все. И как его доставлять, и как наслаждаться. И она пере-

стала с ним спорить. И при нем больше не курила. Себе дороже! Он бы стал читать ей нотации, скрадывая время свидания. А его и так было немного. У нее муж, у него жена. Им необходимо соблюдать приличия. Хотя бы до поры до времени.

Настя почистила зубы. Оскалилась натянутой улыбкой. Белоснежной. Перевела взгляд ниже подбородка и ахнула.

— Вот сука, а! — выдохнула она, трогая продолжный еле заметный синяк на шее. — Не больно же было! Ну как так?! Сейчас же Дэн придет. Станет задавать вопросы...

Вопросов с его стороны почти не было. Было глубокое погружение в раздумья. Прямо у порога он застыл, забыв разуться. Уставился на ее шею и тихо спросил:

— Кто? Муж? Когда успел?

— Соседка полоумная. Я дерьмо за бродячим котом убирала. И на нее неосторожно наехала.

— Как именно? — Он все стоял и не проходил.

Насте пришлось повторить слово в слово, что и как она говорила соседке. Про овцу тоже не забыла.

— Зачем? — Он все же снял кроссовки и пошел в ее спальню, подгоняя ее шлепками по заду, затянутому в кружевные трусы.

— Что зачем?

— Зачем ты ее обвиняла, если знала, что кот не ее?

Он толкнул ее на кровать, навис, медленно скользя взглядом по ее телу.

Таллина РОМАНОВА

— А кого мне обвинять? Она его кормила, значит, виновата. К тому же алкашка, каких поискать. — Настя медленно водила пальцем по его щеке и губам.

— В смысле, алкашка? — Он вдруг сел рядом с ней, изумленно вскинул брови.

— Она пьет.

— Каждый день?

— Не засекала, — фыркнула она, почувствовав смутное беспокойство от такой его заинтересованности. — Но пьет исключительно вино. Никакой водяры, пива или самогона. Не смотри на меня так!

А он смотрел именно так — как на любопытную беспринципную бабу. Был у него такой взгляд из арсенала особенных. Она считала его одним из самых оскорбительных.

— Ты рылась в ее мусоре? — с легкой насмешкой поинтересовался он, начав медленно раздеваться.

— Нет, конечно, о чем ты! — возмутилась она, стягивая с себя все. — У нее однажды перед мусоропроводом разорвался пакет. А там бутылки из-под вина. Такие, знаешь, с закручивающимися крышками.

— Это мог быть единичный случай, — тихо возразил он, укладываясь на ее кровать на спину. — Или у нее побывали гости.

— Нет. У нее не бывает гостей. Никогда. И вино она покупала при мне в нашем супермаркете не раз. Так что все сходится.

• *Тайна за семью печатями* •

— Хватит болтовни, — неожиданно прервал он ее, демонстрируя свое возбуждение. — Иди ко мне...

Потом было два изнурительных по продолжительности сеанса секса с перерывом на кофе на кухне. После душа он позвал ее на кухню снова и запросил еды. Хорошо она была готова и кое-что приготовила, иначе быть конфузу.

— Вкусные котлетки, — похвалил он, съев четыре штуки без хлеба и овощей.

Настя ковыряла вилкой свою котлетку, сдержанно улыбалась и думала о том, что пора бы уже ему начать ей помогать как-то. Хотелось бы, чтобы материально и внушительно.

Придет, трахнет, пожрет и уходит! Жесть! От ее мужа отличался только тем, что не пил и не скандалил вечерами. Такой же нахлебник.

— Кто она? — неожиданно прервал ее мысли его осторожный вопрос.

— Ты о ком? — не сразу поняла Настя.

— Я о твоей соседке. — Он потянулся к пятой котлете.

— Честно? Я не знаю. До нее тут жил какой-то дед старый. Нафталином весь подъезд от него провонял. Деда не стало, вселилась она. Поначалу все выгребала из квартиры. Какой-то даже ремонт делался. Потом затихла. И вдруг начала пить. Неожиданно, знаешь, — вспоминала Настя, морща лоб. — Перестала ходить на работу и начала пить.

— Как ее зовут? Фамилия?

— Фамилию не знаю, а зовут Валерия. Слышала, как Мария Сергеевна ворчала однажды у ее двери: Валера-Холера.

Мария Сергеевна была старой склочницей, ее квартира располагалась между Настиной и Валерии. Была еще четвертая квартира на их лестничной площадке. Но там никто давно не жил. Дверь на ее памяти ни разу не открывалась. А Настя с мужем обитали по этому адресу уже седьмой год.

— Значит, до нее там жил дед. Он умер, вселилась она. Зовут ее Валерия. Лет примерно сколько?

— Не больше тридцати пяти точно. Может и много меньше. Не понять. Пьет, говорю же тебе. И не ухаживает за собой. Вечно по спортивке, тапки, кеды, кроссовки.

— Спортсменка? — прищурился ее гость.

— Не знаю.

— Такой синяк на шее, дорогая, мог поставить либо спортсмен, либо представитель силовых структур. Профессиональный захват. Вот так она это сделала, да?

Он в точности повторил движение локтем. Настя кивнула.

— У нее «трешка»? — не унимался он, спрашивая ее о соседке.

— Да. У нее «трешка». Однокомнатная пять лет запертой стоит. И у нас с Марией Сергеевной по «двушке». А тебе зачем все это знать так подробно?

• *Тайна за семью печатями* •

— Просто я выясняю, — недовольно поморщился он. — Я прихожу сюда, к тебе. Считаю, что наши отношения в полной безопасности. И тут вдруг выясняется, что в квартире напротив проживает весьма странная особа.

— Чем же она странная?

Настя отчетливо поняла, что ревнует.

— Пьет одно вино. А это что значит? — Он медленно полез из-за стола.

— Что?

— Что на вино у нее есть деньги. Откуда? Если она не работает, с твоих слов.

— Не работает, — покивала согласно Настя, следуя за гостем в прихожую.

— При этом у нее навыки спортсменки или...

Ей надоело слушать ерунду про соседку, и она накрыла его рот поцелуем. Он не отозвался. Отстранился. Начал медленно обуваться.

— Я позвоню, — сказал он на прощание и вышел из ее квартиры.

Настя минуту стояла как вкопанная, потом выругалась и начала одеваться.

Ей надо было съездить к матери мужа и сообщить ей, что Колю закрыли на пятнадцать суток за мелкое хулиганство.

Конечно, он ничего такого не сделал. Это была чистой воды подстава со стороны ее любовника. Он хотел чистой территории, без неожиданного возвращения мужа с работы. И все придумывал и придумывал разные забавы для ее супруга. То каким-то неведомым образом организует ему трехмесячную командировку без возможности

вернуться невзначай. То дежурства сплошным графиком. Теперь вот на полмесяца отправил в камеру. Якобы за разбитую витрину магазина.

— Или платишь, или пятнадцать суток си-дишь, — озвучили ее супругу в районном РОВД.

Платить ему было нечем. Сумму ущерба вы-катили огромную. И ее супруг решил, что лучше он посидит.

— Матери позвони, — попросил он Настю три дня назад. — Переживать станет.

Она ей честно звонила, но телефон был вне доступа. Теперь вот приходилось ехать. Мало ли! Вдруг старушка загнулась, а никого вокруг.

К свекрови в гости она оделась поприлич-нее. Ни голых коленей, ни обнаженного пупка. Тонкие брюки. Рубашка в полоску. Босоножки. Перекинула через плечо сумочку, распахнула дверь и от неожиданности вскрикнула.

— Какого хрена, Лера? — закричала она на соседку, стоящую на ее пороге в спортивных шортах и майке на тонких лямках.

— Напугала? — качнулась та слегка. — Не хотела. Извини.

— А хотела тогда чего?

Настя ее потеснила, вышла на лестничную клетку, начала запирать квартиру. Обычно ей хватало двух замков. Сегодня она и на третий закрыла. Мало ли! При таком соседстве нелиш-ним будет.

— Ну! — повысила она на Леру голос. — Чего надо? Извиниться хотела?

— Хотела тебя предостеречь.

• *Тайна за семью печатями* •

— Это я уже слышала, — фыркнула Настя громко. — Накажешь и все такое...

— Нет. Не то. — Соседка наморщила лоб, приложила к нему ладонь и снова качнулась. — Я хотела тебя предостеречь... В смысле, по поводу твоего ухажера. Он опасный тип. Будь осторожнее.

Настя, глядя на нее во все глаза, не знала, рассмеяться или снова разозлиться. Стоит перед ней...

Еле стоит, если точнее. Несет всякую пургу. И как, черт побери, она узнала, что у нее был гость? Он всегда заходил, соблюдая меры предосторожности. В глазок подсмотреть не могла. В ее двери не было глазка.

— Иди проспись, — буркнула Настя и пошла к лифту.

— Я просплюсь, Настя, ерунда вопрос. А вот ты можешь не проснуться...

Это были последние слова, которые Настя услышала, заходя в лифт.

ШАБА 3

Нина Николаевна Хмурова умирала. Она это понимала очень отчетливо и почти не боялась. Страшно ей было за сына — за Коленьку. Он ведь никому не нужен, кроме нее. Ни сестры, ни брата они ему с мужем не родили. И о жене приличной не побеспокоились. И досталось ему то, что досталось! Настя-курва. Так ее называла в разго-

воре с соседками и друзьями Нина Николаевна. А еще она называла Настю шлюхой и еще всякими разными нехорошими словами.

Та при встрече, конечно, пыталась пустить Нине Николаевне пыль в глаза. Корчила из себя праведницу. Но мать-то не обмануть. Она все чувствует материнским своим сердцем. И понимает, что Коленька с катушек срывается только из-за нее. Ведь до женитьбы на этой курве он и запаха спиртного не выносил. Умным был, талантливым. Его после института куда только работать не приглашали. Он устроился на одно секретное предприятие и даже начал движение по карьерной лестнице. Нина Николаевна с отцом не могли нарадоваться. Сын у них получился на зависть.

А потом он встретил курву Настю. Уж где и в какой подворотне это случилось, им было неведомо. Но он ее встретил. И с той минуты жизнь его покатила под откос. Сначала начал потихоньку выпивать, потом прогуливать работу. Его уволили. И вместо того чтобы взяться за ум и встряхнуть себя как-то, он устроился на первое подвернувшееся место. Не пойми кем! Каким-то менеджером по каким-то продажам. Или менеджером еще по чему-то, они даже в толк не могли взять, чем он там занимается.

Муж Нины Николаевны с расстройства заболел и помер. Сгорел за полгода. А Коленька как будто этого даже не заметил. Продолжал пить, гулять, жить с курвой. Вот уже почти семь лет живут. И, между прочим, в квартире, которую

Нине Николаевне родная сестра завещала. Хорошо, лично у Нины Николаевны хватило ума составить завещание хитрое. По нему Коленька еще долго ничего не сможет с квартирой сделать. И уж тем более его курва! Той вообще ничего не достанется. Если с Коленькой, тьфу-тьфу-тьфу, вдруг что-то стряется.

Без права перенаследования составила Нина Николаевна завещание, вот так вот! Так что, если курва что-то там такое задумала, ничего у нее не выйдет. А то взялась, тварь такая, парня гонять из дома. Из его же дома! То командировку ему устроит на три месяца. То графики без выходных. Теперь вот и вовсе в тюрьму отправилась на пятнадцать суток.

Конечно, не сама Настя это вытворяла. Любовник ее — хищный, опасный тип. Нина Николаевна увидела однажды их вместе. Чисто случайно вышло. Но увидав, все поняла. И чтобы уж быть совершенно уверенной, наняла человека для сбора информации. И человек этот такого накопал!

Сведения были не то чтобы дикими. Любовник курвы не был маньяком или преступником-рецидивистом. Как раз наоборот, он служил в органах. Но у него имелась жена! Милая толстушка Люся. И он ее, кажется, очень любил. И жалел. И баловал. Потому что она сильно болела после перенесенного инфекционного заболевания, и долго лечилась какими-то странными лекарствами, вызвавшими резкую прибавку в весе.

Подробностей Нине Николаевне нанятый ею человек не сообщил: что за болезнь была у Люси, какие лекарства она принимала, увеличившие ее вес вдвое. Может, нанятый человек и сам не знал. Может, подробности стоили дороже, чем Нина Николаевна смогла заплатить. Не важно. Главным было то, что любовник обманывал не только свою бедную жену с курвой Настей. Он и Настю обманывал.

И опять же, не это было страшным. А то, что ее Коленьку, кажется, все решили принести в жертву. Ее умного, талантливого мальчика, к которому работодатели в очередь стояли.

Он позвонил ей на днях и первым делом спросил:

— Ма, Настя тебе не звонила?

— Нет, — ответила Нина Николаевна, забыв сообщить, что давно номер курвы заблокировала.

— В общем, меня закрыли, ма, на пятнадцать суток.

Далее он вкратце рассказал ей о витрине какого-то магазина, где он даже не был. И она все поняла. Его в очередной раз подставляют. И это только начало. Пятнадцать суток ерунда. Это не пятнадцать лет. Но ведь и их можно организовать, если у человека есть рычаги давления. Это она про любовника курвы Насти.

И она решила действовать. Или сейчас, или никогда. Так она думала, записавшись на прием к Настиному любовнику. Были у того приемные

часы для граждан. И вот там, прямо в его кабинете, она начала ему угрожать.

— Я сейчас пойду к вашему руководству и все расскажу.

— Что именно? — полуприкрыл веками глаза опасный любовник Насти. — Что я сплю с вашей невесткой? Так это не преступление.

— Это не преступление. А вот то, что вы регулярно удаляете моего сына из ее жизни и из его же квартиры, уже тянет на служебное несоответствие.

— Да ладно! — весело, казалось бы, фыркнул он.

Но глаза его сделались как пистолетные дула.

Нина Николаевна подумала недолго. Вспомнила все инструкции, которыми ее снабдил тот самый человек, которого она прежде нанимала для слежки, и поправилась.

— Ну... Может, и не служебное несоответствие, а превышение должностных полномочий. Думаю, вашему руководству будет интересно узнать, какое участие вы принимаете в судьбе мужа вашей любовницы. А уж как интересно будет об этом узнать вашей жене!

— Жене?

Вот тут он поднялся и пошел к окну. Встал к ней спиной и минуту молчал. А потом с трудом вымолвил:

— Люся — несчастный больной человек. И беспокоить ее нельзя. Я обещаю вам, что близко не подойду к вашей невестке. И вашего сына не трону больше никогда.

Лилина РОМАНОВА

— Обещаете? — привстала со стула Нина Николаевна.

— Да. Клянусь! — Он резко обернулся и с кроткой улыбкой замахал на нее руками. — Сидите, сидите. Мы еще не договорили. Я очень виноват перед вами. И готов загладить свою вину. Мы сейчас с вами поговорим, все обсудим, выпьем с вами чаю или кофе. Что пожелаете?

Она пожелала чаю. Зеленого без сахара. Он приготовил себе кофе. Они пили, говорили, как старые друзья. Он со слезой рассказывал ей о болезни жены. Как они с этим справляются. Как дорого им обходится ее лечение. Но они непременно с этим справятся.

— Вы изменяете ей, — напомнила между прочим Нина Николаевна.

— Ей нельзя заниматься сексом. Врачи запретили, — быстро ответил он и опустил голову. — К шлюхам я пойти не могу. Огласка и все такое.

— И вы выбрали мою невестку, — осуждающе качнула головой Нина Николаевна.

— Это она выбрала меня! — с легким возмущением отозвался он. — Буквально навязалась, соблазнила.

— Я вам верю, — быстро согласилась Нина Николаевна. — Она такая. Сначала сотворила это с Коленькой. Теперь вот принялась за вас.

— Что — это? — неожиданно уточнил он.

— Разрушение! Она разрушает личность мужчины, что рядом с ней. Она его пленяет, де-